

СВОБОДА

РОССИЯ.
СОЮЗ НАРОДОВ.
УЧР. СОБРАНИЕ.
ЗЕМЛЯ-НАРОДУ.
ЗАКОН.
ПОРЯДОК.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ.

ЗА РОДИНУ И СВОБОДУ.

НА ПЕРЕВАЛЬ.

Сейчас не одна Польша только, а весь мир европейский находится на перевале. Польша лишь ближе к той бездне, которая, поглотив Россию, раскрылась на пути человечества. Европейской запад дальше от бездны и не сознает еще опасности: Что принесет завтрашний день Польше? Новую схватку на краю пропасти, решительный бой, в котором она может найти гибель или победу? Или же перед ней откроется медленный спуск в готовую поглотить ее бездну?

Все зависит от условий, какими поставят большевики, от принятия ими или непринятия поляками. Мы не знаем еще, какими эти условия, но знаем заранее, что они касаются не одной только Польши. Ведь если Польша вынуждена будет пойти на тяжелые условия, условия, которые не дадут ей гарантировать безопасности от российского большевизма, поставившего себя задачей на пути в Европу превратить Польшу в советскую республику, то это было бы капитуляцией не только Польши, но и Европы, которая обязалась помочь последней. В войне с Польшей большевисты ведут игру Европой. И пока выигрывают. Счастье везет им; а Ллойд Джордж покровительствует.

Только история произнесет свой окончательный суд над политикой Ллойда Джорджа, которая чрезвычайно важными последствиями. Но на нас, современников она производит такое впечатление, словно английский государственный муж действительно хочет упрочить за собой в истории титул „Лорда-протектора советской республики“, как его окрестила одна польская газета.

Несомненно то, что Ллойд Джордж хочет завязать мирные отношения с большевиками, хочет прекращения борьбы с ними. И на этом хотят его удачно играют большевики. Несомненно также и то, что кто, кто понимает умом всю невозможность мирного существования с большевизмом, недостаточно хотят борьбы с ним. И на этом отсутствие воли большевики тоже немножко удачно играют.

Ведь все их последние успехи в войне с Польшей обясняются в концепции концов тем, что и в армии и в обществе ослаблена временно воля к борьбе с большевиками. Определенная воля к борьбе

бъ с большевизмом, вытекающей из ясного сознания, что рядом с большевистским царством нет места для свободного национального государства, что одно из них должно погибнуть, чтобы могло существовать другое, этой воли не было в Польше, а тогда, когда она вела побоище наступление против большевиков. Ведь цель этого наступления была совершенно неопределенна и неясна. Для одних это была борьба с большевиками, для других война с Россией, одни мечтали о расширении территории польского государства, другие о создании новых независимых государств между Польшей и Россией.

Притом все эти цели войны, формулированные разными партиями и группами польской интелигенции, совершенно не затрагивали сознания масс народных. Ни крестьянин, ни солдат не было понятно ради чего ведется война на далеких окраинах, во имя чего предпринимается поход на Киев.

И только недавно в знаменитом приказе по войскам Пилсудского и затем в воззвании Совета государства обороны была ясно формулирована цель войны, как борьба с большевизмом. А это сознание цели вылилось в определенную волю к борьбе с большевизмом лишь теперь в создании новой добровольческой армии, во главе с прославленным в боях генералом Галлером.

У Галлера такая уже определенная воля к борьбе с большевизмом, как и у генерала Брангеля. Один борется за спасение Польши, другой за восстановление России, но оба ясно видят, что враг у них общий — большевизм.

И если этой общей борьбе суждено не оборваться, а продолжаться дальше, то она разгорится с новой силой и не будет уже вызывать прежних недоразумений. Суждено ли?

На это нам ответит грядущий день.

Ненастным вечером 30 июля, когда по пути к Барановичам выехала польская делегация на встречу большевистской, окончился не день только, а ценный период истории. С тем днем, когда выяснились результаты этой встречи, начнется новый период для Польши, для России, для всего человечества.

Л. СТАНИСЛАВСКИЙ.

камнем, словно резцом. И я жду, когда они замрут, я ищу этой улыбки братской любви. Она действительно падет на застывшую гладь вод, — как подстрекленная птица, ласккой ложится на волны и все озеро морозится в сосредоточенном раздумье.

Не пойдем ли мы теперь вместе поклониться до наших богам, как когда-то давно — давно над Гоплом^{*} или Ладогой.

Что из того, что над нами разорванное в краю черное небо, если где-то далекий кусочек лазури отразила вода, чудесный кусочек лазури сияющийся, как бирюза в чернойправде, не въюти чистый и драгоценный.

Над этим кусочком, над этим обрывком неба, отражением подобия божества не воскремли мы умершие обряды?

Так холодно, как странно. Столько птиц отлетело с замерзшего озера, столько птиц не вернулись весенней порой, погибло среди бури. И только этот кусочек лазури, вспоминание вечности, солнцем зернистая почва.

Мне показалось, высокочтимый писатель, что Вашей рукой брошен обрядовый камень в этот кусочек польской лазури, что сквозь умирающую влагу сердца обратились к добруму гению родных отцов.

Вы его нам указали и не израсходили. Среди такой бури, где все склоняется, как в котле Вы сумели найти его просто, спокойно, без колебаний. Словно узнали голод на всеобщих, которые стихии волков у порогов наших хат.

Не будничным сердцем и мозгом до боли чувствительным Вы поняли, что он один владеет этим волшебным легендарным факселем, который способен волков отгонять. Вы поняли, что пороги наших хат теперь пороги хат Ваших и мира.

Быть может не впервые в истории.

Вы поняли, что окровавится грудь наша опять не впервые в истории для того, чтобы создать врата неприступные. Вы поняли также, кто хранит ключ от этих врат, хранит ключ на сердце одиноком и рыцарском.

Вы захотели заглянуть в глубь этого сердца, как в урину непрозрачную, хранящую слезы народа, и Вы без колебаний признались, что восхищение ослепило Ваш взор, хотя Вы и привыкли к будничным явлениям.

Нужно быть не только великим, но и безконечно чистым, чтобы почувствовать Великое, поэтому так мало людей чувствуют Великое. Истинное величие колышется между ним и землей, как полотно знамени трижды драгоценное: перед ним по торжественным дням играют трубы, но в будни проходит мимо, не замечая его чистоты. Хорошо, если кто либо тогда положит нам вдруг руку на плечо и скажет — остановись, брат, ведь это знамя.

Вы положили нам руку на собственные плечи в тот момент, когда мы проходили мимо драгоценности слишком равнодушные, небрежные, ничего не чувствующие.

Были святые, которые так утончили свое предчувствие божества, что сразу угадывали в какой части сокрыта тайна Божества, а какая просто кусочек хлеба. Есть души чистые и избранные, которые взорвались в себе, словно прекрасное растение, предчувствие великого. Идя дорогой, погруженные

^{*} Гопло-озеро в Познанской Польше, с которым связано много преданий и легенд. (Прим. ред.)

Ближайшие сотрудники:

Б. В. Савинков, Ф. И. Родичев,
Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппен,
Д. В. Философов, А. А. Дикгоф
Деренталь.

Собственные корреспонденты:

В Польше, в Крыму и за границей

Адрес редакции и конторы:
Новый Свет № 22, кв. 47, тел. № 281-38
Редактор принимает от 12 до 2 час дн.

Рукописи не возвращаются.

Цены объявление:
Вперед текста — 10 мар., среди текста — 15 мар., позади текста — 5 мар. за строку пятна.

ПОДПИСКА:
В Варшаве и на провинции в штрафе 100 мар., за границу 120 мар.

Цена номера 6 мар.

Сегодня в номере:

Сообщение Польского Генерального Штаба.
Ультиматум Литвы советам.
Общее положение на советских фронтах.
Воззвание премьеру Витоса.

Статьи и фельетоны.
На перевал — Л. Станиславский.
Из мыслей „кстати и не кстати“ Еж.
Борьба с большевиками — Борис Савинков.

в мыслях, они вдруг мимо воли остаются, прислушиваются: среди будничности и подности они почувствовали близость Великого.

В своем многострадальном скитании Вы вдруг остановились на пороге чужих уже хат, Вы почувствовали Великое живущее среди нас, редкое проявление Божественного и беспокойные глаза Ваши стали искать вокруг:

— Где Он?

Найдя Вы повели нас на высоту Иерусалима, по праву высшего показать нам чудо и поведать, не тая зависти, что у Вашей России этой третьей трагической и несчастной иль такого, как Он-Пильский — стоящего на страже гробов и колыбелей.

Во-истину! Благословлены гробы и благословлены колыбели, на страже которых такие духи стоят.

Немногие из нас имели счастье знать какое лицо скрывает мрачное забрало рыцаря стоящего на страже польского храма. Вы поняли это забрало для незнающих. До них дошли Ваши слова, сильные и веяния словно свет.

рый вдруг разорвал тучи. В их окна влетел словно голубь, несущий весть, напоминающий слова польского писателя: „пусть до вас дойдет шелест крыльев голубиных, радуйтесь гостю крылатому и помните, что даже в часы огня и дыма, смерти и крови застывают голуби в одиноких хатах...“

Из рук Ваших камень попал в самое сердце польского озера, пробудя замолкнувшее эхо стародавних обрядов:

— Как камень в воду... как камень в воду... мы въедем поклонились взаимно духам — покровителям домашних очагов. Совсем как в станице над Гоплом или Ладогой.

За эти воспоминания обряды желают Вам, высокочтимый писатель, от всего сердца, печального, встремившегося ныне сердца польского, чтобы и для Вашей России, несчастной этой третьей России, покрытой висицами и крестами родился человекъ и вождь, как Иосиф Пильский. Бог вѣдь не хочет гибели ни Вашей, ни моей отчизны.

Мария-Людмила гр. Велепольская (Яновская).

ОБЗОР ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТИ.

Перемирие является, конечно, главной темой сегодняшних статей в польской прессе. Печальным размышлениям предается в „Речи Польской“ Ст. Строньский в статье „наша перемирие“:

„В сегодняшний вечер холодный, дождливый и грустный, как осенью, выхалили по дроги Брест-Литовск — Барановичи автомобили с польскими парламентерами под белым флагом, направляясь к передовым большевистским позициям.“

Не так и не так думал народ наш вести переговоры о перемирии в нашей восточной войне и поэтому сегодня вечером сотни тысяч польских голов склонились в тяжком раздумье при мысли о той встрече за Брест-Литовском.

Такие минуты, как сегодняшний вечер, должны глубоко вонзиться в душу и с раем народа, должны жечь ее огнем унижения должны наполнить ееаждой минутой, почему мы должны стремиться, если хотим выйти из поражений излеменными и способными к возрождению...

Сегодня может быть поколеблено не только наше великолепное положение, но и самое существование независимого государства...

Не мене грустный тон в статье „Курьеръ Пораннаго“ под заглавием „Перемирие или война?“

„Исполнена воля могучих Союзных Демократии Запада, которая постановила положить конец войнѣ, имѣ же вызванной и на просьбу Польши о помощи в критическую минуту, предложили Польшу вступить с московским правительством в мирные переговоры...

Тяжка эта жертва для народа и воинской гордости поляков. И с горечью польская мысль останавливается над вопросом, почему вышешательство наших западных союзников произошло только теперь...

Болѣе бодро настроен „Народ“. Вот что мы читаем в статье „В день перемирия“

„Почти одновременно с выездом польской делегации появился на фронте и первые отряды добровольческой армии.

Сражения, в которых принимают участия эти первые добровольческие отряды, имеют значение не только отбитых атак

и удержанія фронта, они свидѣтельствуют, что мы не побѣждены. Побѣден тот, кто считает себѣ побѣжденным и не годным к дальнѣйшей борьбы. А на нас в момент перехода фронта мирной delegacij — все ярче разгорается пламя сопротивленія и энтузиазма и возрастает готовность к борьбѣ. Добровольческие полки, которые только что пришли боевое крещеніе — вѣдь это только первые из тѣх полков, которые организуются и продолжают создаваться. И если непрѣдѣль думал, что уже побѣдно закончил войну и может беззрнонно диктовать каким ему угодно условия — то быстрымъ будетъ убѣдиться, что это не так и что так далеко продвинувшись впередъ, самъ находится въ тяжеломъ положеніи“.

На опасность большевистской тактики в связи с перемирием обращают внимание М. Веронич в „Курьеръ Польскомъ“ и Л. Козловский в „Курьеръ Пораннаго“.

Веронич пишет: „Польша является пацюючей коммунистической революціи раздѣлиться на Западъ, прежде всего в Германию“ писал К. Радек в „Извѣстіях“ еще в 1918 году. Поэтому Польша должна стать советской — или попросту должна быть уничтожена, как народ свободный и независимый.

Ничто не измѣнилось въ этомъ взглядѣ на дѣло. Перемирие и имѣющій настутии за тѣмъ миръ, не являются отсрочкой соціальной России отъ необходимости переступить через Польшу, через трупъ Польской народно-демократической республики — будетъ только перемирие формъ борьбы по прежнему бѣженной, безустанной и опасной, потому что большевики расплатятся огромными материальными средствами...

Изъ самого духа советской стратегіи яствуетъ, что перемирие даже на минуту не будетъ перерывомъ борьбы с нацией“.

Только средства борьбы будутъ иными и болѣе страшными по своей неуловимости:

„Въ Москвѣ считали 30000 агитаторовъ, которые въ юлѣ 1919 года пошли на терриории, занятые Деникинымъ. Шли, снаженные огромными сумами, агитировали по деревнямъ, по кабакамъ, на щелѣзно-

